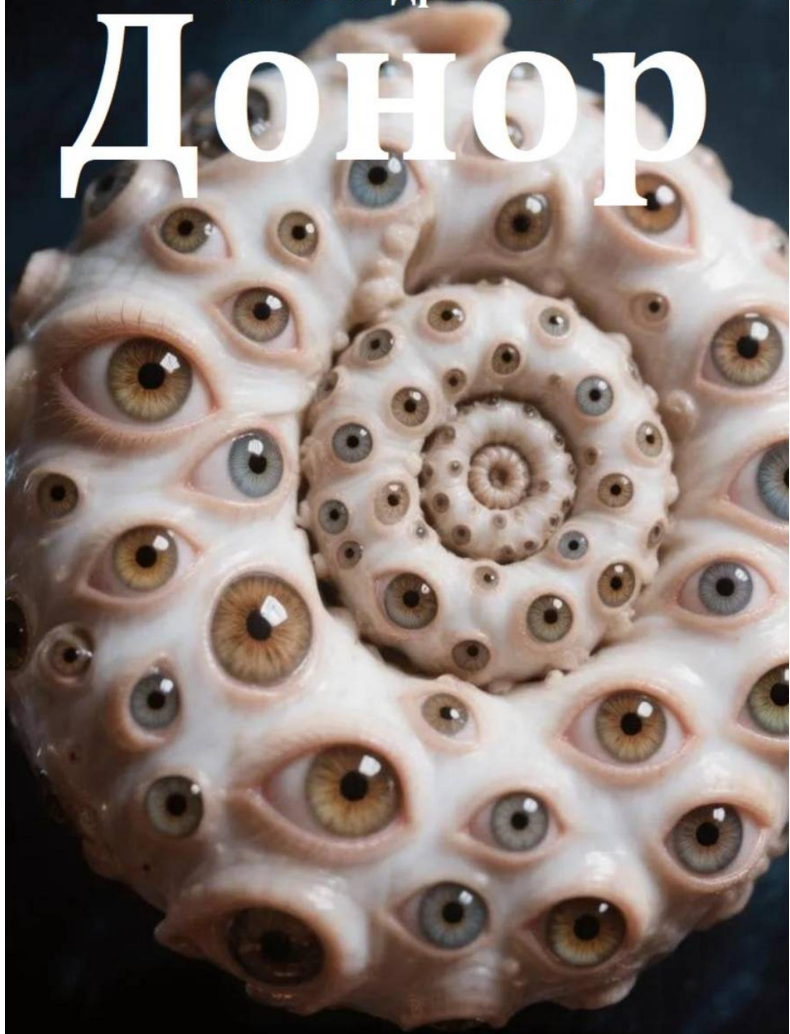

Александр Васько

Донор

Александр Васько

Донор

<https://litres.ru/74180704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл год провёл во тьме и смирился с ней. Но после пересадки роговицы мир возвращается ярким, резким, почти оглушительным. Вместе с красками приходит странное чувство, будто за его глазами кто-то стоит. Чужой шёпот, непрошенные сны, отражение, которое улыбается иначе. Он снова видит, но не уверен, что смотрит один. Чем дальше, тем сложнее понять, где заканчивается он сам и начинается незванный гость. Иногда прозрение страшнее темноты.

Содержание

Глава 1. Свет как наказание	4
Глава 2. Чужие цвета	18
Глава 3. Чужой кадр	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Донор

Глава 1. Свет как наказание

Запах появился первым.

Он был не просто резким, он был хирургически точным, будто кто-то вскрыл саму идею стерильности и выпотрошил её содержимое прямо в палату. Спирт. Хлорка. Что-то ещё, чему Кирилл не знал названия, но что ассоциировалось у него исключительно с больничным моргом. Запах проникал в ноздри, обжигал слизистую и оседал на языке горьковатым налётом, от которого хотелось сплюнуть.

Запах был безопасен. Запахи он знал. За год темноты они стали его навигацией, его картой местности, его единственным способом определять, где заканчивается он сам и начинается внешний мир. Мамины духи, шлейф жасмина и чего-то ванильного, что въелось в шерсть её любимого кардигана. Масляная краска в тюбиках, которые он больше не мог видеть, но продолжал сжимать пальцами, угадывая цвет по консистенции. Книжная пыль из районной библиотеки, куда он ходил исключительно ради аудиокниг, но всё равно сидел в читальном зале, вдыхая бумажную старость.

В темноте запахи становились объёмными. Они рисовали мир лучше всяких глаз.

А вот звуки, звуки сейчас были лишними. Слишком гром-

кими, слишком резкими, словно кто-то выкрутил ручку громкости на максимум, пока он спал. Где-то справа пищала аппаратура, размеренно, с интервалом в полторы секунды. Пик. Тишина. Пик. Тишина. Этот звук Кирилл узнал сразу, кардиомонитор. Он слышал его год назад, когда лежал в реанимации после того самого случая. Тогда писк был частым, испуганным, как сердцебиение загнанного кролика. Сейчас ровный, спокойный, почти убаюкивающий.

Слева раздавался приглушённый гул, явно уличный шум, профильтрованный пластиковым стеклопакетом. Машины, далёкий трамвай, чей-то смех. Значит, палата выходит окнами на улицу. Не подвал, не внутренний двор, а улица. Это хорошо. Это означало, что он не в реанимации. По крайней мере, не в той, где окна заклеены матовой плёнкой, чтобы пациенты не видели неба. Он помнил ту плёнку. Помнил, как мама описывала ему облака, а он лежал и представлял себе серый квадрат с размытыми краями.

— Кирюша...

Голос мамы пробился сквозь вату медикаментозного сна, как луч фонарика сквозь туман, нечёткий, дрожащий, но безошибочно узнаваемый. Она сидела где-то совсем близко, слева от кровати. Он чувствовал тепло её руки, она сжимала его пальцы, и это прикосновение было единственным, что удерживало его от паники.

— Мам, — губы едва шевелились, язык был сухим и чужим, как кусок поролона. — Операция... уже?

— Уже всё, родной. Всё позади.

Голос у неё был странный, слишком бодрый, слишком звонкий для женщины, которая год не спала нормально. Так говорят, когда пытаются убедить не столько собеседника, сколько себя. Кирилл знал эту интонацию. За год темноты он научился слышать ложь так же ясно, как раньше видел несовпадение теней на рисунке.

— Успешно? — спросил он то, что должен был спросить.

— Хирург сказал — всё прошло идеально. Ткани прижились, отторжения нет. Ты везучий, Кирюш.

Везучий. Он мысленно повторил это слово, пробуя его на вкус. Везучий, это когда тебе повезло. А когда тебе повезло получить роговицу от мёртвого парня, это всё ещё везение или уже что-то другое? Он не знал. Но маму расстраивать не хотелось.

— А донор? — спросил он, потому что должен был. Потому что это было правильно, спросить о том, кто дал ему шанс.

Мама помолчала. Её пальцы чуть сильнее сжали его ладонь.

— Хороший мальчик, — сказала она наконец, и в голосе её прорезалась та особая интонация, с какой говорят о покойниках, смесь благодарности и суеверного страха. — Молодой совсем. Девятнадцать лет. Трагически погиб, несчастный случай. В завещании он дал согласие на трансплантацию.

Девятнадцать. Всего на три года старше его самого. Кирилл попытался представить себе этого парня, но не смог, в голове возник лишь размытый силуэт, тёмное пятно на фоне больничного света. Кто ты? От чего ты умер? Почему твои глаза теперь мои? Вопросы теснились в голове, но задавать их было как-то неуместно. Словно бы он спрашивал не о доноре, а о самом себе. Или о ком-то, кто стоит у него за плечом и терпеливо ждёт, когда на него обратят внимание.

— Когда повязку снимут? — спросил он вместо этого.

— Сегодня. Доктор сказал, что скоро. Ты готов?

Готов ли он? Кирилл не знал. Он ждал этого момента год. Триста шестьдесят четыре дня темноты, если считать точно. Триста шестьдесят четыре дня, наполненных звуками, запахами и прикосновениями, но не светом. Он представлял себе этот момент тысячу раз. Представлял, как откроет глаза и увидит мамино лицо, изменившееся за год, наверняка постаревшее, с новыми морщинами у глаз. Представлял, как выйдет на улицу и зажмурится от яркого весеннего солнца. Как заплачет от счастья, обязательно заплачет, потому что это нормально, это правильно, так должно быть.

Но сейчас, когда темнота должна была отступить, он чувствовал только страх. Глубинный, иррациональный, какой-то доисторический ужас, будто он стоял на краю пропасти и должен был шагнуть в неизвестность. Почему? Он не мог объяснить. Это было как предчувствие, смутное, неоформленное, но от того не менее реальное. Будто где-то

на периферии сознания билась мысль, которую он отказывался признавать, а что, если я увижу то, чего не должен видеть?

— Готов, — соврал он.

В палату вошёл врач, Кирилл определил это по шагам. Тяжёлые, уверенные, с характерным поскрипыванием дорогой обуви. Такие шаги бывают у людей, которые привыкли, что их слушаются. Хирург. Тот самый, что проводил операцию.

— Ну-с, молодой человек, — голос у врача оказался под стать шагам, низкий, с хрипотцой, как у зядлого курильщика, который бросил, но не до конца. — Как самочувствие?

— Как будто мне в глаза песка насыпали, — честно ответил Кирилл.

— Это нормально. Роговица приживается, ткани адаптируются. Сейчас снимем повязку, и начнётся самое интересное. Предупреждаю сразу, зрение будет не таким, как раньше. Поначалу расплывчато, мутно, возможно двоение. Мозг отвык обрабатывать визуальную информацию, ему нужно время, чтобы всё вспомнить. Так что не пугайтесь, если мир покажется вам... странным.

Странным. Кирилл мысленно усмехнулся. Весь последний год его мир был странным. Темнота, это не просто отсутствие света. Это отдельная вселенная со своими законами. В ней звуки имеют цвет, а запахи обретают форму. В ней время течёт иначе, не по минутам, а по событиям. Завтрак, это когда пахнет овсянкой и мамиными духами. День,

это когда радио на кухне бормочет новости. Вечер, это когда мама возвращается с работы и её шаги звучат тяжелее, чем утром. Ночь, это когда за окном перестают ездить машины и мир погружается в такую глубокую тишину, что слышно, как тикают часы у соседей за стеной.

К странностям ему было не привыкать.

— Снимайте, — сказал он.

Холодные пальцы коснулись его висков. Врач работал аккуратно, плавными движениями разматывая бинты. Кирилл чувствовал, как с каждым витком повязка слабеет, как воздух касается век, прохладный, немного влажный, пахнувший больницей и чьим-то чужим присутствием. Последний слой упал, и он остался лежать с закрытыми глазами, боясь их открыть.

— Открывайте, — сказал врач. — Медленно, не спеша. Дайте глазам привыкнуть.

Кирилл открыл глаза.

И мир обрушился на него.

Это было не зрение. Это была атака. Лавина света, цвета, форм и линий, которая хлынула в мозг, как цунами, сметая всё на своём пути. Он зажмурился, но было поздно, картинка уже отпечаталась на сетчатке, уже врезалась в память, как раскалённое клеймо. Белый потолок. Лампа дневного света, похожая на инопланетный корабль. Лицо склонившегося над ним человека, розовое пятно с тёмными провалами глаз и рта.

— Слишком ярко, — прошептал он, закрывая лицо руками. — Слишком...

— Это нормально, — голос врача доносился откуда-то издалека, хотя Кирилл знал, что он стоит в полуметре. — Фотобоязнь после длительной депривации. Сейчас, я приглушу свет.

Щёлкнул выключатель. Даже сквозь плотно сжатые веки Кирилл почувствовал, как изменилось освещение. Красноватая пелена стала менее интенсивной, ушла куда-то на периферию.

— Попробуйте ещё раз, — сказал врач. — Только очень медленно. По чуть-чуть приоткрывайте веки, дайте зрачкам адаптироваться.

Он попробовал. На этот раз мир не ударил его наотмашь, а лишь осторожно коснулся, сначала контурами, потом оттенками серого, и наконец цветами. Приглушёнными, как на старой акварели, но всё же цветами.

Первое, что он увидел по-настоящему, лицо мамы.

Она сидела на стуле у кровати, сжав руки в замок, и смотрела на него с такой надеждой, что у него перехватило дыхание. Она действительно постарела за этот год. Морщинки у глаз стали глубже, в волосах появилась седина, которой он раньше не помнил. Но глаза те же самые. Серо-голубые, как у него самого, наполненные сейчас слезами, которые она изо всех сил пыталась сдержать.

— Мам, — выдохнул он. — Ты... ты красивая.

Это было глупо. Это было банально до скрежета зубов. Но он сказал это, потому что действительно так думал, и потому что не мог придумать ничего другого. Мама всхлипнула, зажала рот ладонью, и слёзы всё-таки потекли по её щекам, быстрые, крупные, как стеклянные бусины.

— Я вижу, мам. Я правда вижу.

Он плакал. Слёзы текли по его собственным щекам, и он чувствовал их тепло, и это было самым прекрасным ощущением в его жизни. Зрение вернулось. Он снова мог видеть. Год темноты закончился.

А потом он посмотрел на календарь, висевший на стене напротив кровати, и что-то внутри него дрогнуло.

Календарь был самый обычный, настенный, с фотографией какого-то альпийского пейзажа и крупными цифрами даты. Одиннадцатое апреля. Суббота. Ничего особенного. Но когда Кирилл смотрел на эти цифры, где-то на задворках сознания, в той его части, которую он не контролировал, мелькнула мысль, чужая, незванная, как спам-письмо в почтовом ящике: «Я должен был умереть в четверг».

Он моргнул, и мысль исчезла. Растворилась, будто её и не было. Осталось только смутное послевкусие, как от дурного сна, который забываешь через минуту после пробуждения, но осадок остаётся на весь день.

— Что-то не так? — мама сразу заметила его замешательство. За год она стала сверхчувствительной к его настроению, как прибор, настроенный на малейшие колебания.

— Нет, всё нормально. Просто... слишком много всего сразу.

Он улыбнулся, чтобы её успокоить, и она улыбнулась в ответ, всё ещё заплаканная, но уже счастливая. А Кирилл продолжал смотреть на календарь, и где-то глубоко внутри него, в той тёмной комнате, куда он сам боялся заглядывать, кто-то другой тоже смотрел. И ждал.

Остаток дня прошёл как в тумане. Врач провёл серию тестов. Показывал таблицы с буквами, водил перед глазами фонариком, заставляя зрачки то сужаться, то расширяться, проверял глазное дно каким-то прибором, от которого в глаз бил узкий луч света. Кирилл послушно выполнял все инструкции, отвечал на вопросы, кивал, когда нужно было кивать, и старался не думать о том странном ощущении, которое возникло у него в момент пробуждения.

Он списывал это на нервы. На стресс. На пост-операционный синдром, врач предупреждал, что могут быть галлюцинации, ложные воспоминания, дезориентация. Мозг, штука сложная, он любит играть с человеком злые шутки. Особенно если этот человек год провёл в темноте, а потом внезапно получил обратно способность видеть.

«Мозг отвык обрабатывать визуальную информацию, ему нужно время, чтобы всё вспомнить», — сказал врач. Вот и всё объяснение. Никакой мистики. Никакой чертовщины. Обычная нейрофизиология.

Но когда вечером, оставшись один в палате (маму отпра-

вили домой, посетителям пора, больным нужен покой), Кирилл снова посмотрел на календарь, он почувствовал это снова. Не мысль, скорее, отголосок мысли. Эхо чужого присутствия, которое звучало где-то на границе восприятия, как радиопомеха, которую слышишь, только если специально прислушаться.

«Одиннадцатое апреля», — подумал он. И в ответ, из глубины сознания, пришло эхо: «Девятого меня не стало».

Кирилл резко сел на кровати. Сердце колотилось так, будто он пробежал стометровку. В палате никого не было. Телевизор на стене был выключен, чёрный прямоугольник отражал смутный силуэт кровати и его самого, сидящего с выпрямленной спиной. За окном стемнело, и уличные фонари рисовали на потолке жёлтые полосы света, перечёркнутые тенями оконных рам.

«Прекрати», — приказал он себе. — «Это просто нервы. Ты просто волнуешься. Пройдёт».

Но вместо того, чтобы успокоиться, он вдруг ясно, почти физически ощутил, что в палате кто-то есть. Не видимый глазу, не слышимый уху, но присутствующий. Кто-то стоит у окна, прислонившись плечом к стене, и смотрит на него. Смотрит спокойно, без угрозы, но с каким-то странным, почти научным интересом, как энтомолог смотрит на редкую бабочку, приколотую булавкой к бархату.

Кирилл медленно, очень медленно повернул голову к окну.

Там никого не было. Только тени и свет.

— Привиделось, — сказал он вслух, и звук собственного голоса немного успокоил его. — Просто привиделось. Ничего такого.

Он лёг обратно, натянул одеяло до подбородка и заставил себя закрыть глаза. Утром будет новый день. Утром всё пройдёт. Утром он посмеётся над своими страхами и нарисует мем про то, как после пересадки роговицы видишь призраков. Что-нибудь в духе «ожидание/реальность». Или с тем котом, который шипит на двух женщин тычущих в него пальцем. Мама любит этого кота, она говорит, что он вылитый Кирилл, когда тот не хочет есть брокколи. Да, точно. Кричащий кот, это он, кричащий в пустоту собственной паранойи. Отличная метафора. Надо записать, пока не забыл.

С этой мыслью он наконец провалился в сон.

И сон этот был чужим.

Ему снилась высота.

Он стоял на краю крыши, и ветер бил в лицо, холодный, пронизывающий до костей. Где-то внизу, далеко-далеко, простирался город, россыпь огней, нитки дорог, тёмные провалы дворов-колодцев. Небо над головой было затянуто тучами, низкими, тяжёлыми, подсвеченными оранжевым заревом мегаполиса. Пахло дождём, который ещё не начался, и чем-то ещё, резким, химическим, похожим на растворитель или краску.

Кирилл знал, что это сон. Он всегда знал, когда ему что-

то снится, за год темноты он научился различать состояния своего сознания с точностью, которой позавидовал бы любой психоаналитик. Но от этого знания было не легче, потому что сон был необычайно ярким, детальным, реалистичным. Слишком реалистичным для обычного сна.

Он чувствовал холод бетона под ногами (почему он босиком?). Чувствовал, как ветер треплет волосы и забирается под воротник рубашки. Чувствовал вкус крови во рту, металлический, солёный, отвратительный.

И, что самое странное, он чувствовал, что это тело не его. Нет, внешне оно было таким же. Те же руки, те же ноги, та же одежда, какая-то тёмная толстовка с капюшоном и джинсы. Но ощущалось оно иначе. Движения были другими, более резкими, порывистыми, какими-то угловатыми. И рост, кажется, был другим, чуть выше, чем у него. И плечи шире. И кисти рук крупнее, с длинными пальцами, испачканными чем-то тёмным.

Кирилл (или тот, кем он себя ощущал) стоял на краю и смотрел вниз, и в груди у него клокотала ярость. Чистая, концентрированная, как серная кислота. Ярость, смешанная с отчаянием, с осознанием, что всё кончено, что выхода нет, что его предали и теперь он умрёт.

А потом был толчок.

Резкий, сильный, неожиданный. Чьи-то руки ударили его и он полетел, в пустоту, в темноту. Крик застрял в горле, ветер засвистел в ушах, и весь мир превратился в стремительно

приближающееся серое пятно асфальта. Он летел и знал, что сейчас умрёт, и единственное, что он успел подумать: «Нет. Не сейчас. Я не закончил. Я должен...»

Удар.

Боль, ослепительная, всепоглощающая, разрывающая тело на куски.

И ничего.

Темнота.

Кирилл проснулся в холодном поту, с криком, застрявшим в горле. Сердце колотилось где-то в районе гортани, простыни были мокрыми насквозь, а в голове пульсировала одна-единственная мысль, чужая и страшная: «Меня убили. Меня толкнули. Это был не несчастный случай».

Он сидел в темноте больничной палаты, обхватив колени руками, и пытался отдышаться. За окном по-прежнему горели фонари. Монитор пищал ровно и спокойно, как ни в чём не бывало. Ничего не изменилось.

Но Кирилл знал, что-то изменилось. Что-то произошло, пока он спал. Что-то проникло в него, не через глаза, а через что-то другое, более глубокое и уязвимое.

Через сон.

Через память, которой у него не должно было быть.

Он поднёс руку к лицу и долго смотрел на неё в полумраке, на тонкие пальцы, на голубоватые вены под кожей, на едва заметный шрам у основания большого пальца (откуда он? он не помнил). Рука была его. Определённо его. Та самая ру-

ка, которой он рисовал, которой держал карандаш и кисть, которой водил по шершавой бумаге, создавая миры.

И всё же...

Впервые в жизни, глядя на собственную руку, Кирилл почувствовал, что она ему не принадлежит.

Он быстро зажмурился, досчитал до десяти и открыл глаза снова. Рука была его. Обычная, знакомая до последней чёточки.

— Нервы, — прошептал он в темноту. — Просто нервы. Просто сон.

Но уснуть в ту ночь он больше не смог.

Глава 2. Чужие цвета

Домой его выписали через пять дней.

Пять дней, наполненных тестами, осмотрами и осторожными, как движения сапёра, попытками привыкнуть к тому, что мир снова видим. Это оказалось сложнее, чем Кирилл предполагал. Он думал, что возвращение зрения будет похоже на включение света в тёмной комнате, раз, и всё на месте. Но реальность оказалась куда прозаичнее и куда жестче.

Зрение возвращалось постепенно, рывками, словно изображение на старом телевизоре, которое то становилось чётким, то снова расплывалось в мутное пятно. Мозг, отвыкший обрабатывать визуальную информацию, работал с перебоями. Иногда Кирилл ловил себя на том, что не может узнать простейшие предметы, вилку, книгу, собственный ботинок. Он видел форму, цвет, текстуру, но не мог связать это в целостный образ. Это было мучительно, как если бы он разучился читать и теперь вынужден был складывать слова по буквам, спотыкаясь на каждой запятой.

Но ещё мучительнее были моменты, когда зрение работало слишком хорошо.

В такие моменты мир становился неестественно ярким, гиперреалистичным, словно кто-то выкрутил настройки насыщенности и контрастности на максимум. Цвета кричали. Тени давили своей глубиной. Лица людей казались масками,

натянутыми на черепа, он слишком хорошо видел каждую пору, каждую морщину, каждую несовершенную чёрточку. Это было невыносимо. Это было как если бы он смотрел на мир через чужой, слишком требовательный взгляд.

Чужой взгляд.

Он гнал от себя эту мысль, но она возвращалась снова и снова, как назойливая муха. Что, если дело не в его мозге? Что, если он видит мир так, как видел его тот, донор, художник, девятнадцатилетний парень, погибший при загадочных обстоятельствах? Эта мысль была иррациональной, ненаучной, откровенно бредовой, он сам это прекрасно понимал. Но она не уходила. Она угнездилась где-то на задворках сознания и оттуда, из темноты, насмешливо наблюдала за его попытками сохранить рассудок.

— Твоё зрение стабилизируется в течение двух-трёх недель, — сказал врач на прощание. — Не перенапрягай глаза, избегай яркого света, носи солнцезащитные очки. И главное, не паникуй, если что-то покажется странным. Твой случай уникальный, но мы и раньше сталкивались с подобным. Организм адаптируется.

— Уникальный в смысле «один на миллион» или в смысле «слава богу, что вообще выжил»? — спросил Кирилл.

Врач усмехнулся.

— В смысле «пиши диссертацию, пока я не опередил». Если серьёзно, год полной слепоты и последующее восстановление... Такого я ещё не видел. Обычно либо быстрее вос-

становливаются, либо не восстанавливаются вообще. Ты исключение, парень.

«Ты исключение». Кирилл вспоминал эти слова всю дорогу домой, сидя на заднем сиденье такси и глядя в окно на пролетающие мимо улицы. Они казались ему одновременно знакомыми и чужими, как декорации к спектаклю, который он когда-то видел и теперь пытался вспомнить. Вот этот магазин, он был здесь всегда или его построили за тот год, что Кирилл провёл в темноте? А этот перекрёсток, он что, изменил конфигурацию? Или это просто память подводит?

Мама сидела рядом, держала его за руку и молчала. Она вообще стала молчаливее за последние дни, словно боялась спугнуть удачу. Кирилл понимал её. Они оба боялись.

Квартира встретила его запахом пирогов и чем-то ещё, что он не сразу опознал, а когда опознал, удивился. Краска. В его комнате пахло свежей краской. Мама сделала ремонт, пока он лежал в больнице.

— Я подумала, тебе будет приятно, — сказала она, заметив его взгляд (он ещё не привык, что может смотреть на вещи и каждый раз это было как маленькое открытие). — Новые обои, новый стол. Ты же художник, тебе нужно вдохновение.

— Мам, я год не рисовал. Я уже не уверен, что я художник.

— Глупости. Ты им родился. Это как... ну, как цвет глаз. Не меняется.

Он хотел возразить, что цвет глаз как раз поменялся, донорская роговица, трансплантация, всё такое, но решил не развивать тему. Мама так старалась, так хотела, чтобы он снова стал «нормальным», что у него не хватало духу разрушать её надежды.

Он прошёл в свою комнату и замер на пороге.

Она действительно изменилась. Новые обои, светло-серые, с едва заметным геометрическим узором. Новый стол, длинный, вдоль всей стены, с множеством ящиков и полок. Мольберт, который он не просил. И целая батарея тюбиков с краской, выстроенных в аккуратную шеренгу на подоконнике.

— Нравится? — мама заглядывала через его плечо.

— Очень. Спасибо.

Он не врал. Комната действительно нравилась ему. Но было в ней что-то... неправильное. Что-то, что он не мог уловить. Какое-то несоответствие, какой-то диссонанс между тем, что он видел, и тем, что он чувствовал.

Он подошёл к окну и выглянул на улицу. Их двор, детская площадка с облупившейся краской, старый тополь, который каждое лето закидывал пухом все окрестные балконы. Всё как обычно. Всё на своих местах.

И всё же...

— Ты, наверное, устал с дороги, — сказала мама. — Давай я чайник поставлю, а ты пока осваивайся. Распаковывай вещи, раскладывай. Только глаза не перенапрягай, врач ска-

зал...

— Да, мам, я помню.

Она ушла на кухню, а он остался стоять у окна, глядя на двор и пытаясь понять, что же его беспокоит. Сначала он грешил на освещение, слишком яркое, режущее глаз. Потом на перспективу, он всё ещё путался с расстояниями, и предметы казались то ближе, то дальше, чем были на самом деле. Но постепенно, по мере того как он стоял и смотрел, до него начало доходить.

Дело было не в освещении и не в перспективе. Дело было в нём самом. В том, как он смотрел. В том, что его взгляд скользил по предметам не так, как раньше. Он замечал другие детали. Его внимание привлекали другие вещи. Тени вместо света. Линии вместо объёмов. Структура вместо цвета.

Раньше, до слепоты, он смотрел на мир как художник-импрессионист, его интересовали цветовые пятна, игра света, настроение. Теперь же он смотрел как... как график. Как человек, привыкший работать с линией, с контуром, с чёткой, почти архитектурной прорисовкой деталей. Его взгляд сам собой разбивал изображение на составляющие, каркас, тени, штриховку. Он не просто видел дерево во дворе, он видел, как ветви образуют сложный узор на фоне неба, как тени от листьев ложатся на асфальт, как кора трескается по определённой, почти математической траектории.

Это было красиво. Но это было не его видение.

Он отошёл от окна, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота. Так, спокойно. Никакой паники. Просто адаптация. Просто мозг перестраивается. Ничего сверхъестественного.

Кирилл сел за новый стол, включил настольную лампу (тёплый свет, мягкий, щадящий, мама постаралась) и обнаружил на столе альбом для рисования. Новый, в твёрдой чёрной обложке, с плотными листами, пахнущими бумагой и типографской краской. Рядом лежал набор карандашей, от 2Н до 8В, как он любил. И ластик. И точилка. Всё, что нужно для счастья.

«Ну давай, — сказал он себе. — Ты же художник. Мама сказала, это не меняется. Докажи».

Он взял карандаш, раскрыл альбом на первой странице и замер.

Что рисовать? Раньше этот вопрос не стоял. Раньше рука сама знала, что делать. Он просто начинал водить карандашом и на бумаге сами собой возникали образы, люди, звери, фантастические пейзажи, монстры из его снов. Теперь же, когда он прикоснулся грифелем к бумаге, он почувствовал странную пустоту.словно колодец его воображения пересох.словно кто-то выключил кран, из которого раньше лился бесконечный поток идей.

Но рука, рука не чувствовала пустоты. Рука начала двигаться.

Кирилл смотрел, замороженный и испуганный одновре-

менно, как его собственная кисть выводит на бумаге линии, которых он не планировал. Карандаш скользил по листу плавно, уверенно, словно им управлял кто-то, кто знал, что делает. Штрих за штрихом, контур за контуром, и на странице начал проступать рисунок.

Это была спираль.

Огромная, сложная, закручивающаяся внутрь себя спираль, состоящая из множества более мелких линий. Она напоминала раковину наутилуса, если бы раковина наутилуса была нарисована сумасшедшим, одержимым геометрией. И внутри каждого завитка, в каждой ячейке этого лабиринта, был нарисован глаз.

Десятки глаз. Маленьких, детально прорисованных, с ресницами, зрачками и радужкой. Они смотрели на Кирилла с бумаги, и в каждом из них было что-то живое, что-то осмысленное, что-то жуткое.

Он отбросил карандаш, словно тот обжёг ему пальцы. Карандаш покатился по столу и упал на пол с тихим стуком. Кирилл смотрел на рисунок, и его мутило. Он не рисовал этого. Он не мог этого нарисовать. Он никогда в жизни не рисовал спиралей с глазами. Это не его стиль. Это не его образы. Это...

Чьё?

— Кирюш, чай готов! — голос мамы из кухни прозвучал так обыденно, так нормально, что ему захотелось рассмеяться. — Тебе с сахаром или без?

— С сахаром! — ответил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — И лимон если есть!

Он быстро захлопнул альбом, сунул его в ящик стола и несколько раз глубоко вздохнул. Ничего не было. Ему показалось. Рука просто двигалась на автомате, вырисовывая какую-то ерунду. Это бывает. Это нормально. После года без практики могла накопиться всякая... фигня. Подсознание шутит шулки. Никакой мистики.

Но когда он вышел из комнаты, ему показалось, что закрытый альбом в ящике стола пульсирует, как сердце, как живое существо, как кокон, в котором зреет что-то чужеродное.

За чаем мама рассказывала о работе (она трудилась бухгалтером в строительной фирме, и её коллеги, по её словам, «совсем обленились без присмотра»), а Кирилл кивал и делал вид, что слушает. На самом деле он думал о рисунке. О спирали с глазами. О том, откуда она взялась. И о том, что будет, если он откроет альбом снова.

— ...а ещё звонила тётя Вера, спрашивала, как ты. Я сказала, что всё хорошо, но ты пока не готов к визитам. Ты же не против?

— Не против, — рассеянно ответил он. — Мам, а тот... донор. Ты что-нибудь о нём знаешь?

Мама поперхнулась чаем.

— С чего ты вдруг спросил?

— Просто интересно. Ну, чьи у меня теперь... — он осёк-

ся, не зная, как закончить фразу. «Глаза», это было слишком прямо. «Детали», слишком цинично. «Части тела», слишком анатомично.

— Кирилл, — мама поставила чашку на стол и посмотрела на него тем особенным взглядом, которым смотрела весь последний год, с тревогой, с желанием защитить, с готовностью в любой момент броситься на помощь. — Врач сказал, что тебе не стоит сейчас об этом думать. Это только усугубит стресс.

— Я не стрессую. Просто любопытно. Ну, у меня теперь его глаза, я должен знать, кому сказать спасибо. Или... не знаю. Помолиться за него, что ли. Хотя я не верующий.

Мама помолчала. Покрутила чашку в пальцах.

— Его звали Алексей, — сказала она наконец. — Девятнадцать лет. Студент. Учился на архитектора или на художника, я точно не помню. Упал с крыши. Полиция сказала, несчастный случай. Или самоубийство. Они не уверены.

— А родители?

— Я с ними не общалась. Всё через больницу. Анонимно. Так положено.

Кирилл кивнул и допил чай. Алексей. Студент. Архитектор или художник. Упал с крыши. Информации кот наплакал, но даже её было достаточно, чтобы сердце забилось чаще. Художник. Значит, рисунок мог быть как-то связан с ним? Нет, бред. Рисунок, это просто игра подсознания. Просто нервное напряжение. Просто...

Он вспомнил сон. Падение с крыши. Ветер в ушах. Асфальт, летящий навстречу. «Меня убили». И его пробрала дрожь, не от холода, а от какого-то глубинного, первобытного ужаса, который живёт в каждом человеке и просыпается, когда реальность даёт трещину.

— Я, пожалуй, пойду полежу, — сказал он. — Глаза устали.

— Конечно, родной. Отдыхай. Если что, я здесь.

В своей комнате он первым делом запер дверь. Потом подошёл к столу и несколько секунд стоял, глядя на ящик, в который спрятал альбом. Ему не хотелось открывать его. Ему было страшно. Но он знал, что если не откроет, не уснёт. Любопытство и страх сплелись в тугой узел где-то в животе, и любопытство побеждало.

Он выдвинул ящик. Альбом лежал на месте, чёрный, ничем не примечательный, с виду совершенно обычный. Кирилл взял его в руки, чувствуя, как потеют ладони.

«Ты просто псих, — сказал он себе. — Обычный постоперационный псих. Сейчас откроешь, а там ничего особенного. Обычная мазня. Просто линии. Тебе показалось со страху».

Он открыл альбом.

Спираль с глазами была на месте. Но теперь она изменилась. В центре спирали, там, где раньше была пустота, появился новый элемент, человеческая фигура. Крошечный силуэт, нарисованный с удивительной для своего размера де-

тализацией. Человек стоял на краю крыши, раскинув руки, и смотрел вниз.

И все глаза на рисунке смотрели на него.

Кирилл захлопнул альбом и отшвырнул его в угол. Альбом ударился о стену и упал на пол, раскрывшись на той самой странице. Спираль, глаза, человек на крыше, всё это было там, ждало его, смотрело на него.

— Этого не может быть, — прошептал он. — Я не рисовал этого. Я не мог.

Он был уверен, что когда рисовал, никакой фигуры в центре не было. Только спираль и глаза. Фигура появилась потом. Сама собой. Пока альбом лежал в ящике.

Это было невозможно. Рисунки не меняются сами по себе. Чернила не перетекают с места на место. Карандашные линии не дополняют себя новыми деталями. Это противоречило всем законам физики, логики и здравого смысла. Но факт оставался фактом: рисунок изменился.

И тут он заметил кое-что ещё.

На тыльной стороне его правой ладони, там, где кожа была испачкана графитом, проступал слабый контур. Он поднёс руку к глазам и присмотрелся. Контур был едва заметный, словно проступающий из-под кожи, тонкая линия, закручивающаяся в спираль. И внутри каждого завитка, если очень сильно присмотреться, можно было различить крошечную точку, похожую на зрачок.

Кирилл бросился в ванную и принялся яростно тереть ру-

ку мылом. Тёр до красноты, до боли, пока кожа не начала саднить. Контур побледнел, но не исчез до конца. Он словно бы переместился глубже, под верхний слой эпидермиса, и теперь проступал оттуда, как татуировка, которую неудачно пытались свести.

— Господи, — выдохнул он, глядя на своё отражение в зеркале над раковиной. — Господи боже мой.

Отражение смотрело на него. У него были его глаза, карие, с зеленоватыми искорками у зрачка. Его лицо, худое, бледное, с тёмными кругами после больницы. Его волосы, русые, давно не стриженные, падающие на лоб неопрятной чёлкой. Всё было его, всё было знакомым.

Но улыбка...

Улыбка была чужой.

Всего на мгновение, на долю секунды, не больше, отражение в зеркале улыбнулось не так, как улыбался он. Уголки губ дёрнулись чуть выше, чем нужно, обнажив зубы. И в глазах мелькнуло что-то такое, чего в его глазах быть не могло: торжество. Злое, насмешливое, жадное торжество существа, которое долго ждало и наконец дождалось.

Кирилл отдёргнулся от зеркала, ударился спиной о дверной косяк и замер, тяжело дыша. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышно в соседней комнате. Руки дрожали. К горлу подкатывала тошнота, а перед глазами плыли чёрные точки.

— Кирюш? — мама постучала в дверь ванной. — У тебя

всё в порядке?

— Да, — выдавил он. — Всё нормально. Просто... руки мою.

— Ты там уже полчаса. Я волнуюсь.

— Всё хорошо, мам. Сейчас выйду.

Он плеснул в лицо холодной водой, растёр щёки и ещё раз посмотрел в зеркало. На этот раз отражение вело себя прилично. Улыбка была его собственной, кривоватой, неуверенной, испуганной.

— Нервы, — сказал он отражению. — Просто нервы. Просто стресс. Просто адаптация. Ты не сходишь с ума. Ты не сходишь с ума. Ты. Не. Сходишь. С ума.

Отражение молчало. Но где-то в глубине его зрачков, на самом дне, где свет уже не достаёт до сетчатки, что-то шевелилось. Медленно, терпеливо, неотвратимо. Как эмбрион в утробе.

Ночью ему снова приснилась крыша.

На этот раз сон был длиннее. Он не просто стоял на краю и падал, он видел всё целиком, от начала и до конца. Видел, как поднимается по лестнице, старой, бетонной, с облупившейся краской на стенах и граффити на потолке. Видел, как открывает дверь на крышу, тяжёлую, железную, с прожавевшими петлями. Видел, как выходит на открытое пространство, где ветер бьёт в лицо, а над головой нависает серое, предгрозовое небо.

На крыше его ждали.

Человек в сером пальто стоял у самого края, спиной к нему. Высокий, сутулый, с редкими волосами, которые ветер трепал, как пучок сухой травы. Кирилл (или тот, кем он был во сне) знал этого человека. Знал и ненавидел. И боялся.

— Ты пришёл, — сказал человек в сером пальто, не оборачиваясь. Голос у него был скрипучий, как несмазанная дверь. — Я знал, что ты придёшь.

— Вы украли мои работы, — голос донора, это точно был его голос, не Кирилла, а того, другого, Алексея, дрожал от ярости. — Вы выставили их под своим именем. Вы разрушили мою карьеру.

— Я дал твоим работам то, чего они заслуживали, — человек в сером наконец обернулся, и Кирилл увидел его лицо. Бледное, одутловатое, с маленькими глазками, утонувшими в складках кожи. Профессорское лицо. Лицо человека, который привык к власти и не терпит возражений. — Ты был никем. Студентка с провинции, без связей, без имени. Кто бы посмотрел на твои рисунки? А я величина. Моё имя что-то значит. Благодаря мне твои работы увидел мир.

— Благодаря вам я лишился всего! Вы обещали помочь с публикацией, а вместо этого украли мои чертежи и выдали за свои!

— Не будь таким драматичным. Я предлагал тебе сотрудничество. Ты отказался.

— Вы предлагали мне подачку! Десять процентов за мои же собственные проекты!

Профессор поморщился, как от зубной боли.

— Ты всегда был неблагодарным, Алексей. С самого первого курса. Талантливый, но неблагодарный. Я думал, ты поймёшь. Думал, повзрослеешь. Но ты решил устроить скандал. Решил пойти в деканат, в комиссию по этике, в прессу... Ты хоть понимаешь, что мог разрушить мою репутацию? Десятилетия работы псу под хвост из-за какого-то мальчишки?

— Вы вор. Вы просто вор.

Профессор вздохнул. Сделал шаг вперёд. И ещё один. И когда он оказался совсем близко, Алексей (Кирилл чувствовал его страх, его учащённое сердцебиение, его желание бежать и неспособность пошевелиться) понял, что сейчас произойдёт.

— Ты прав, — сказал профессор почти ласково. — Я вор. Но я живой вор. А ты... ты, к сожалению, станешь мёртвым героем. Трагическая история о молодом даровании, которое не справилось с давлением учёбы и покончило с собой. Очень печально. Очень... в духе времени.

Он толкнул его в грудь. Резко, сильно, неожиданно. Алексей покачнулся, попытался ухватиться за воздух, за край паркета, за что-нибудь, но пальцы схватили лишь пустоту. И он полетел.

Падение длилось вечность. Он видел удаляющееся лицо профессора, перекошенное то ли страхом, то ли торжеством, уже не разобрать. Видел серое небо, которое стремительно отдалялось. Видел окна здания, мелькающие мимо, в неко-

торых горел свет, и там, внутри, жили люди, которые не знали, что за стеклом пролетает чья-то смерть.

А потом был удар. И тьма. И голос, прозвучавший в этой тьме, не профессора, а чей-то другой, глубинный, как шум подземных вод:

«Ты не закончил. Ты должен смотреть. Ты должен найти. Ты должен отомстить».

Кирилл проснулся в четыре утра с дикой головной болью и отчётливым знанием: он только что видел убийство. Настоящее убийство реального человека. И убийца, человек в сером пальто, до сих пор на свободе, возможно, до сих пор преподаёт, до сих пор читает лекции и принимает экзамены, и никто не знает, что он столкнул студента с крыши.

Самое ужасное было даже не это. Самое ужасное было то, что вместе со знанием о преступлении в Кирилла проникло и желание найти этого человека, посмотреть ему в глаза. Желание сделать с ним то же, что он сделал с Алексеем.

Желание мести, чужое, жгучее, как кислота, разливалось по его венам, и он не знал, как его остановить.

Глава 3. Чужой кадр

Следующие несколько дней Кирилл старался жить так, будто ничего не происходит. Он просыпался, завтракал, выполнял упражнения для глаз (врач выдал целую брошюру с картинками, смотреть на точку, переводить взгляд, моргать, снова смотреть), гулял с мамой в парке, читал книги с крупным шрифтом. Он делал всё, что полагается делать образцовому пациенту, идущему на поправку.

И это почти работало.

Днём, при солнечном свете, когда мир был ярким и обыденным, когда мама хлопотала на кухне, а за окном чирикали воробьи, все его ночные страхи казались бредом. Ну приснился кошмар, с кем не бывает? Ну привиделась странная улыбка в зеркале, так освещение в ванной дурацкое, лампочка моргает, вот и мерещится всякое. Ну нарисовалась какая-то спираль, так это подсознание шутит, у всех творческих людей бывают периоды странных образов.

Альбом он спрятал на антресоли, подальше от глаз. Рисунок на руке почти исчез, то ли сошёл сам, то ли он себя убедил, что сошёл. И отражение в зеркале вело себя прилично. В общем, жизнь налаживалась.

Но по ночам...

По ночам всё было иначе. По ночам, когда мама засыпала, а город за окном затихал, Кирилл оставался наедине с ти-

шиной, и с тем, что пряталось в этой тишине. Сны стали регулярными. Почти каждую ночь он видел фрагменты жизни Алексея, яркие, детальные, как сцены из фильма, который кто-то смонтировал специально для него.

Вот Алексей, совсем ещё пацан, лет десяти, сидит на берегу реки с альбомом и рисует воду. Руки у него перепачканы пастелью, а на лице выражение абсолютного, незамутнённого счастья. Вот он постарше, в художественной школе, спорит с преподавателем о композиции, горячится, размахивает руками, доказывает что-то про золотое сечение и динамическую симметрию. Вот он подаёт документы в университет, стоит в очереди, волнуется, теребит папку с работами. Вот сидит в аудитории, делает наброски в блокноте, пока лектор бубнит про историю архитектуры.

Обычные воспоминания. Ничего страшного. Почти уютные. Кирилл даже начал привыкать к ним, как привыкаешь к странному, но неопасному соседу по коммуналке. Иногда ему даже казалось, что он начинает понимать Алексея. Чувствовать его характер, его амбиции, его мечты. Тот был талантливым, но неуверенным в себе. Гениальным, но непризнанным. Одержимым идеей, какой-то странной, почти мистической идеей о том, что искусство может быть не просто творчеством, а способом обрести бессмертие.

«Оставить след, — говорил Алексей кому-то во сне (Кирилл не видел собеседника, только слышал голос). — Не просто рисунок, не просто картину. Часть себя. Такую часть,

которая будет жить после смерти. Понимаешь? Не в переносном смысле, в прямом. Я хочу научиться переносить сознание в свои работы. Чтобы каждый, кто посмотрит на мой рисунок, чувствовал моё присутствие. Чтобы я жил в них. В каждом, кто увидит».

Кирилл просыпался после таких снов с липким чувством тревоги. Ему казалось, что слова Алексея, не просто философствование. Что за ними стоит какая-то реальная практика, какой-то эзотерический опыт, который Алексей действительно пытался осуществить.

И, кажется, отчасти преуспел. Потому что теперь он жил в Кирилле. Не в рисунке, в нём самом. За его глазами. В его сознании. Медленно прорастая, как опухоль, которую нельзя вырезать, не уничтожив носителя.

Но окончательно убедило Кирилла в том, что всё это не игра воображения, событие, случившееся сегодня.

Он гулял один. Впервые после больницы выбрался на улицу без сопровождения, мама была на работе, а сидеть в четырёх стенах надоело до зубного скрежета. Он надел солнцезащитные очки (врач рекомендовал), взял наушники (чтобы отгородиться от мира, если станет слишком шумно) и вышел во двор.

День был пасмурный, что его устраивало, мягкий рассеянный свет не резал глаза. Он шёл по улице, узнавая и не узнавая знакомые места. Вот булочная на углу, здесь он покупал рогастики с маком, когда был маленьким. Вот сквер с фонта-

ном, здесь они с одноклассниками сидели после уроков. Вот остановка, с которой он ездил в художественную школу.

Художественная школа. Он не вспоминал о ней весь последний год, слишком больно было думать о том, что он потерял. Но сейчас, глядя на знакомый маршрут автобуса 31, он вдруг почувствовал... ностальгию? Нет, не ностальгию. Скорее, чей-то чужой интерес. Словно кто-то внутри него оживился, увидев номер маршрута, и теперь тянул его в определённом направлении.

«Не ходи туда», — сказал он себе. Но ноги уже сами несли его к остановке, и руки сами доставали из кармана проездной, и вот он уже сидел в полупустом автобусе, глядя в окно на проплывающие мимо улицы, и чувствовал, как внутри него крепнет чужая уверенность: «Нам сюда. Это важно. Ты должен увидеть».

Он сошёл на остановке, которую не узнавал. Район был незнакомый, старые дома дореволюционной постройки, узкие улочки, тёмные дворы-колодцы. Здесь пахло мокрой штукатуркой и чем-то кислым, то ли помоями, то ли гниющими листьями. Кирилл никогда здесь не был. Он готов был в этом поклясться. Но когда он свернул в арку и оказался в квадратном дворе, со всех сторон окружённом облупленными стенами, его накрыло чувство узнавания.

Он знал это место.

Знал этот ржавый велосипед, прикованный к трубе. Знал эту граффити-надпись на стене, «Лена + Дима = любовь»,

сделанную серебряной краской и уже изрядно выцветшую. Знал это разбитое окно на третьем этаже, заклеенное изнутри газетой. И главное, знал этот запах. Запах мокрой штукатурки, смешанный с запахом краски и растворителя.

Краска и растворитель. Так пахло в мастерской. В его мастерской. В мастерской Алексея.

Кирилл прислонился к стене, потому что ноги вдруг стали ватными. Он не знал, где находится. Он никогда здесь не был. Но Алексей здесь был. Это его воспоминание. Его карта местности. Его навигатор, который теперь ведёт Кирилла, как марионетку на ниточках.

— Эй, пацан, ты в порядке? — из подворотни вышел мужик в фартуке, видимо, работник местной автомастерской, судя по запаху бензина и масла. — Белый весь. Обкурился, что ли?

— Нет, — выдавил Кирилл. — Всё нормально. Просто... жарко.

Мужик с сомнением посмотрел на небо, затянутое тучами, на Кирилла в тёплой толстовке, и пожал плечами. Делай что хочешь, пацан, мне-то что. Скрылся в подворотне, откуда пахло бензином и звучал шансон.

А Кирилл стоял и смотрел на двор-колодец, и внутри него происходила беззвучная битва. Его собственная воля пыталась оторвать тело от стены и увести отсюда, домой, в безопасность. Чужая воля, наоборот, тянула вперёд, к неприметной двери в углу двора, за которой, как он знал (отку-

да?!), находилась лестница, ведущая в подвал. Там, в подвале, была мастерская. Там Алексей работал. Там он создавал свои рисунки, те самые, которые профессор потом украл и выдал за свои.

— Я не пойду туда, — сказал Кирилл вслух. — Это не мои воспоминания. Это не моя жизнь. Я не пойду.

Но он уже знал, что однажды пойдёт. Не сегодня, сегодня ему хватило сил развернуться и уйти. Но когда-нибудь позже, может быть, ночью, когда его сознание будет спать, а сознание Алексея бодрствовать, он придёт сюда снова. И спустится в подвал. И найдёт то, что донор хочет ему показать.

Домой он ехал в каком-то тумане. В голове крутились обрывки чужих мыслей, как радио, которое ловит сразу несколько станций. «Я должен закончить... они украли... я найду его... я заставлю его заплатить...» И сквозь всё это его собственный голос, слабый, но упрямый: «Это не я. Это не мои мысли. Я Кирилл. Мне шестнадцать. Я рисую комиксы. У меня есть мама. Я не Алексей. Я не Алексей!»

Дома он сразу пошёл в свою комнату и включил компьютер. Надо было выяснить правду. Если донора звали Алексеем, если он был студентом-художником, если он погиб при странных обстоятельствах, об этом должны быть новости. Интернет помнит всё. Особенно трагедии.

Он открыл браузер и вбил в поисковую строку: «Алексей студент художник гибель крыша». Поисковик выдал несколько тысяч результатов. Кирилл принялся их переби-

рать, отсеивая лишнее. Большинство ссылок были нерелевантны, какие-то другие люди, какие-то другие крыши. Но на третьей странице поиска он нашёл то, что искал.

Короткая заметка в городской хронике. «Трагедия в центре города: студент-архитектор погиб при падении с крыши». Дата, девятое апреля. Тело обнаружили дворники. Причины выясняются. Основная версия, самоубийство. Погибшим оказался Алексей В., студент четвёртого курса архитектурного факультета.

Кирилл читал заметку, чувствуя, как холодеют пальцы. Всё сходилось. Имя, возраст, обстоятельства гибели. И дата, девятое апреля. А одиннадцатого ему сделали операцию. Значит, донор умер за пару дней до этого? Или десятого, это когда нашли тело и погиб он ночью? Как бы то ни было, временной промежуток между смертью Алексея и операцией Кирилла был минимальным. Практически нулевым.

Он продолжил поиски. Нашёл страницу Алексея в соц-сети. Фотографии, посты, репосты. Парень на фотографиях был высоким, темноволосым, с резкими чертами лица и странным, пронзительным взглядом. Он смотрел в объектив так, будто видел не камеру, а кого-то, кто стоял за ней.

Кирилл долго вглядывался в эти фотографии, и постепенно до него доходило то, что он уже смутно подозревал. Лицо Алексея, то самое лицо, которое мерещилось ему в зеркале. Те же скулы. Та же линия подбородка. Тот же разрез глаз.

Он не был похож на Алексея. У них были совершенно раз-

ные лица. Но в отражении, на грани восприятия, в те короткие мгновения, когда сознание даёт сбой, в эти мгновения он видел именно его. Как будто чужая внешность пыталась наложиться на его собственную, как калька на рисунок.

— Что ты такое? — прошептал Кирилл, глядя в монитор.
— Чего ты хочешь от меня?

Ответа не было. Только фотографии, Алексей на каком-то фестивале, Алексей в аудитории, Алексей на крыше (на крыше? да, вот он стоит на фоне заката, и в глазах его плещется что-то такое, от чего Кириллу стало не по себе). И подписи к фото, странные, иногда откровенно безумные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.